
Ша Лунби
Я Запечатала своего Демона

Ша Лунби
Я запечатала своего демона

https://litres.ru/74669778
SelfPub; 2026

Аннотация

Я отдала все, чтобы запечатать его.

Имя, силу, жизнь и тысячу лет покоя для Девяти Пустошей.

Мир назвал меня героиней, и предал у запечатанной двери, оставив умирать на холодных плитах.

Но я открыла глаза снова, в своем прошлом, за три года до того, как все рухнуло.

Теперь я знаю то, чего не знала тогда. Что праведник выпьет мою кровь до капли. Что Бедствие, от которого я спасала мир, дремлет вовсе не там, где мне говорили. И что Демонический Владыка Девяти Бездн, чудовище, которое боятся называть по имени, ждал меня сквозь тысячу лет и две печати. Молча, терпеливо, с обещанием в глазах цвета полночного неба.

В прошлый раз я запечатала его и меня убили.

В этот раз я сорву печать своими руками.

И пусть весь праведный мир дрожит, отныне я выбираю не жертву.

Я выбираю его.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Г	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ша Лунби
Я запечатала своего демона

Глава 1

Первое, что я осознала, когда гул в моих ушах начал стихать был холод лунных плит, на которых я лежала. Он просачивался сквозь разорванные шелковые одежды, и проникал в истощенные меридианы, где еще недавно текла моя духовная сила. Теперь там царила пустота. Мой даньтянь, некогда сияющий ослепительным светом Золотого ядра, был разрушен... расколот на тысячу жалких осколков.

Я отдала всё. Свое имя, культивацию, которую кропотливо взращивала день за днем на протяжении долгих лет, и свою жизнь.

Тяжело дыша, я скосила глаза. Зрение стремительно мутнело, по краям собиралась непроглядная тьма, но я все еще могла видеть возвышающиеся впереди Врата Девяти Бездн. Исполинские створки из темного металла теперь пересекала сияющая серебряным светом Лунная печать. Моя кровь, щедро пролитая на жертвенный массив, питала ее, навечно сковывая того, кто остался по ту сторону.

Демонический Владыка... Бедствие, грозившее поглотить все Девять Пустошей, чудовище, чье имя запрещалось даже

шептать в Праведных землях.

Я запечатала его, теперь мир был спасен. Союз Цинмин мог праздновать великую победу Света над Тьмой.

Но почему в то последнее мгновение, когда створки врат неумолимо закрывались, в его глазах цвета полночного неба не было ярости и жажды убийства? Почему Демонический Владыка не обрушил на меня свою всесокрушающую мощь, когда я была так уязвима, сплетая последние руны печати? Мужчина стоял во тьме Бездны и смотрел на меня. В его взгляде было столько неизмеримой, тысячелетней тоски и... покорности, что этот образ отпечатался на подкорке моего угасающего сознания.

Владыка позволил мне это сделать. Это осознание неожиданно обрушилось на меня.

— Младшая соученица Бай, — бархатный голос разрушил тишину руин Лунноснежного дворца.

Я с трудом повернула голову. Кровь пузырилась на губах, оставляя во рту мерзкий привкус.

Из тумана, стелющегося над разбитыми арками, неспешно вышла фигура. Его белые одежды, расшитые серебристыми облаками, оставались безупречно чистыми, ни единой капли крови, ни пылинки. Вокруг мужчины витала аура спокойствия и света, а на красивом лице играла улыбка, которая была прекраснее лунного света. Улыбка, которой я верила всю свою жизнь.

Цзян Лисюэ, мой старший соученик, мой жених. Глава

Союза Цинмин и оплот праведности этого мира.

— Ты пришел… — Я попыталась приподнять руку, ища его поддержки. Ожидая, что он бросится ко мне и передаст свою ци, чтобы хоть на мгновение облегчить мою агонию.

Но жених не ускорил шаг. Лисюэ подошел ближе и остановился в нескольких чи от меня, глядя сверху вниз. В светлых и ясных глазах мужчины не было ни капли скорби, только расчетливый интерес и торжество.

— Ты прекрасно справилась, Цинъюэ, — произнес он, и в его тоне прозвучала снисходительная похвала, словно он говорил с послушным ребенком, выполнившим трудное поручение. — Лунная печать легла идеально. Как и ожидалось от последней наследницы клана Бай, твоя жертва войдет в летописи Девяти Пустошей.

Что-то было не так. Мое сердце, и без того едва бьющееся, пропустило глухой удар.

— Лисюэ… — я закашлялась, выплевывая темный сгусток крови. — Помоги мне… Мое ядро…

— Твое ядро уничтожено, — спокойно констатировал он, изящным жестом откидывая за спину длинный рукав. — А жизненная сила уходит в печать. Как я могу тебе помочь, младшая соученица? Это цена, которую ты так благородно вызвалась заплатить ради спасения мира от Бедствия.

Он лгал, мы планировали это вместе. Мой жених клялся, что как только печать замкнется, он использует артефакты Союза Цинмин, чтобы стабилизировать мою душу и выта-

щить меня. Лисюэ обещал, что мы найдем способ восстановить мое тело, даже если на это уйдут века.

Я всмотрелась в его лицо, и пелена слепой преданности, застилавшая мои глаза годами, начала стремительно разрушаться. Наконец-то я увидела настоящего его. Не праведного защитника, а стервятника, терпеливо дожидавшегося, пока добыча сама загонит себя в ловушку.

— Ты… не собирался меня спасать, — выдохнула я.

Улыбка Лисюэ стала шире, обнажая идеальные белые зубы. Он присел на корточки, настолько близко, что я могла уловить аромат благовоний сандала, исходящий от его волос.

— Спасать? О, моя милая, наивная Цинъюэ. Кого здесь спасать? Опустошенный сосуд? Ты отдала свою суть Лунной печати, и теперь ты бесполезна. К тому же… — мужчина немного склонил голову, и в его глазах мелькнула клубящаяся тьма, от которой моя душа содрогнулась. Это не была чистая ци праведника, а нечто иное... древнее. и гниющее. — …твоя смерть мне гораздо нужнее.

Мужчина медленно протянул руку, и в его ладони материализовался духовный клинок. Лезвие светилось ослепительно белым, но в самом его сердце пульсировала тьма.

— Героиня, пожертвовавшая собой ради мира. Какая красивая легенда, — Лисюэ провел пальцем по лезвию меча. — Союз Цинмин будет вечно оплакивать тебя, а я, как твой безутешный жених, унаследую власть над остатками Лунноснежного дворца и, что более важно, ключи к массивам

управления Печатью. Ты даже не представляешь, сколько силы скрыто за этими дверями. И этот глупый демон добровольно заперся там, оставив всё мне.

— Демон… — прошептала я, и внезапная догадка пронзила мой разум.

— Именно, — Лисюэ нежно, почти любовно коснулся кончиком клинка моей груди, прямо там, где когда-то билось средоточие моей магии. — Бедствие, от которого ты так яростно спасала Девять Пустошей… Ты действительно думала, что это он? Демонический Владыка сидел в своих Безднах тысячу лет и ни разу не перешел границы. Но вам нужен был враг, а мне нужен был повод. А тебе… тебе просто нужна была великая цель, за которую можно умереть.

Его слова разрушали мои иллюзии в пыль. Все эти годы... Все нападения на секты, вспышки проклятой энергии, сводящие с ума духовных зверей и эпидемии, выкашивающие смертные города. Нас уверяли, что это эхо силы Демонического Владыки. Лисюэ показывал мне доказательства и направлял мой гнев. Лисюэ вложил мне в руки знание о том, как активировать смертельную Лунную печать.

Тот, от кого я спасала мир, оказался тем единственным, кто не сделал этому миру ничего дурного. А тот, ради кого я отдала всё, оказался истинным чудовищем.

Я запечатала не того.

Яростный, бессильный крик зарождался в моей груди, но наружу вырвался лишь жалкий хрип. Я попыталась собрать

хотя бы крупицу духовной энергии, чтобы ударить этого лицемера, чтобы вцепиться в его горло, но мои меридианы ответили лишь невыносимой болью.

— Не стоит, А-Юэ, — Лисюэ покачал головой с притворным сожалением. — Прими свою судьбу с достоинством. Спи спокойно, зная, что твое имя будут славить веками.

Мужчина не стал медлить. Лезвие вонзилось в мою грудь. Боль была ослепительной, вспыхнувшей сверхновой звездой, клинок прошел сквозь плоть, разрубая последние нити моей жизненной силы.

Я задыхалась. Мир вокруг стремительно сжимался до лица человека, которого я когда-то любила, он улыбался белоснежной улыбкой, за которой скрывался пожирающий хаос, а за его спиной стояли запечатанные врата.

Владыка Девяти Бездн, прости меня. Я была слепой дурой.

Тьма сомкнулась надо мной. Я падала в небытие под звуки собственного хриплого дыхания и торжествующего смеха Цзян Лисюэ. Падала бесконечно долго. Моя душа рассеивалась, распадаясь на искры, чтобы стать частью печати и исчезнуть навсегда в бесконечном цикле Небесного Дао.

Глава 2

Холод, боль и темнота, а затем…

Вдох.

Я открыла глаза, вдыхая воздух. Он сразу же обжег горло. Мои руки инстинктивно вскинулись к груди, пальцы сжались в том месте, куда секунду назад вонзился клинок.

Там не было крови и разорванной плоти. Мои ладони нащупали лишь мягкий, тонкий шелк нижней одежды.

Я резко села. Голова закружилась, перед глазами поплыли цветные пятна. Тело прошиб холодный пот. В моих меридианах пульсировала духовная энергия лунной стихии, а в даньтяне золотым солнцем сияло целое, нетронутое ядро.

Где я?

Быть может это иллюзия перед смертью? Или чистилище для тех, кто предал доверие?

Мой взгляд заметался по сторонам, пространство вокруг постепенно обретало четкость. Я была в просторной комнате, утренний свет пробивался сквозь резные деревянные ставни. Стены были задрапированы серебристо-синим шелком, а в углу, на бронзовой подставке в виде изогнувшегося дракона, тлели благовония. Я отчетливо чувствовала сладковатый аромат лотоса и морозной мяты — знаменитые благовония "Чистое Сердце", которые зажигали только… в моих личных покоях в Лунноснежном дворце.

Я крепко сжала края шелкового одеяла. Это невозможно. Дворец был наполовину разрушен за месяцы до того, как мы отправились к печати. Мои покои сгорели в ту ночь, когда демонические твари, или те, кто под них маскировался, прорвали защитный барьер клана Бай.

— А-Юэ! — хриплый, полный тревоги голос заставил меня вздрогнуть всем телом.

От дверей, торопливо путаясь в собственных длинных одеждах, ко мне спешил старик. Его волосы были белее самого чистого снега на вершинах Хребта Костяного Инея, а на груди висел знак главы клана — серебряная луна, обвитая ветвью замерзшей сливы.

— Дедушка?.. — мой голос дрогнул, а затем сорвался на жалкий писк.

Бай Цзинхэ, Великий старейшина, Глава Лунноснежного дворца. Мой единственный родной человек, который… умер на моих руках год назад, защищая меня от отравленной стрелы в ущелье Плачущих духов.

— Хвала Небесам, ты очнулась, — он опустился на край моей кровати, и его мозолистые от меча руки схватили мои ладони. Они были горячими. — Глупая девчонка! Разве можно так безрассудно форсировать прорыв? Если бы я не почувствовал искажение твоей ци и не вошел в покои, ты бы заработала отклонение! Я отдал тебе почти половину своей энергии, чтобы усмирить твое ядро.

Я смотрела на него широко открытыми глазами, не в си-

лах вымолвить ни слова. Его лицо… на нем было меньше глубоких морщин, чем в день его смерти, а его правый глаз видел ясно и чисто, хотя я знала, что он потерял зрение на него в битве с некромантами.

Мои руки дрогнули. Я высвободила их из его хватки и, подавшись вперед, обхватила его за шею, утыкаясь лицом в плечо.

— Дедушка… Дедушка, ты жив… — слезы хлынули из моих глаз. Я не могла остановить эту дрожь, бившую мое тело. Вся боль, весь ужас предательства, ледяной холод руин — всё это выплескивалось сейчас в отчаянных рыданиях.

— Ну-ну, А-Юэ, тише, — Бай Цзинхэ растерянно похлопал меня по спине, явно не ожидая такой бурной реакции на замечание о медитации. — Я здесь, всё хорошо. Ты просто немного повредила меридианы, это поправимо. Не нужно так плакать, наследнице клана Бай не подобает лить слезы из-за пустяков.

Я вцепилась в его одежды, боясь, что если отпущу, он растворится, как утренний туман, но он был здесь. Реальный и живой.

Небесное Дао не уничтожило меня, вместо этого оно… вернуло меня?

Я медленно отстранилась, вытирая лицо тыльной стороной ладони. Мне нужно было срочно понять, где именно я нахожусь на линии времени. Ошибка недопустима.

— Дедушка, — я постаралась придать своему голосу мак-

симальную твердость, хотя он всё еще дрожал. — Скажи мне… какой сейчас год? И… какие события нас ждут в ближайшее время? Мой разум всё еще затуманен после отклонения ци.

Бай Цзинхэ нахмурил густые седые брови, всматриваясь в мое лицо с легким беспокойством.

— Ты пробыла в беспамятстве два дня. Сейчас тридцать четвертый год эпохи Цинмин. Через половину месяца настанет Праздник середины осени. Разве ты забыла? Мы ждем посланников из Союза, твой старший соученик, Цзян Лисюэ, прибудет во дворец, чтобы обсудить дела объединения сект.

Тридцать четвертый год. За три года до того, как пала Лунная печать. За три года до того, как рухнет мой мир.

— Да… — я опустила взгляд на свои дрожащие колени. — Да, я вспомнила. Спасибо, дедушка. Мне… мне нужно побыть одной, привести в порядок ци. Пожалуйста.

Старик тяжело вздохнул, поднимаясь с кровати.

— Хорошо. Я прикажу Цинъэр принести тебе восстанавливающий отвар из духовных трав. Не смей снова пытаться прорваться на ступень Зарождающегося Духа без моего присмотра, поняла?

— Поняла, — тихо ответила я.

Когда за ним закрылись двери, в комнате повисла тишина. Я медленно откинула одеяло и спустила босые ноги на прохладный деревянный пол. Шаг, еще шаг... Мое тело слушалось идеально. Оно было моложе, полнее сил, еще не из-

мученное годами непрерывных битв и лишений.

Я подошла к высокому медному зеркалу, которое стояло в углу.

Оттуда на меня смотрела более юная версия меня. Длинные, черные волосы водопадом струились по спине и плечам, еще не стянутые тяжелым серебряным венцом. Светлая, безупречная кожа, без единого шрама, и глаза — ясные, синие сапфиры.

Но взгляд… теперь это не был взгляд той наивной, светлой девочки, которая верила в справедливость Союза Цинмин и в непогрешимость своего жениха. Из зеркала на меня смотрела женщина, которая умерла на холодных камнях. Женщина, которую опустошили своим предательством, но она все равно смогла вернуться из Бездны. В глубине этих синих глаз теперь затаилась холодная тень застарелой боли и медленно разгорающейся ярости.

Я подняла руку и коснулась своего отражения.

Цзян Лисюэ прибудет через полмесяца. Он снова будет улыбаться своей безупречной улыбкой, чтобы снова начать плести вокруг меня свои сети. Чтобы снова шаг за шагом вести меня к жертвенному алтарю, забирая по пути жизни всех, кто мне дорог. Моего дедушку, мою верную служанку Цинъэр и мой клан.

— Нет, — прошептала я своему отражению, и звук моего голоса показался мне чужим. Жестоким и беспощадным. — В этот раз всё будет иначе.

Мои мысли метнулись на север, за Хребет Костяного Инея, туда, где в мрачном величии возвышался Дворец Девяти Бездн.

Сюань Цзинъе. Демонический Владыка, чудовище, которым пугали детей. Монстр, которого я искренне ненавидела и боялась всю свою прошлую жизнь. Тот, кто молча принял из моих рук тысячелетнее заточение, не проронив ни слова в свою защиту.

Почему он это сделал? Что связывало нас? Почему при мысли о его глазах, смотрящих на меня из темноты закрывающихся врат, у меня под ребрами разливается странная, болезненная теплота, смешанная с невыносимым чувством вины?

В прошлой жизни я была слепым орудием в руках лицемера. Я позволила страху и ложной праведности ослепить себя. Я запечатала того, кто не желал мне зла, и подставила спину тому, кто жаждал моей крови.

Я отошла от зеркала, и моя аура, прежде спокойная, как лунное озеро, вдруг всколыхнулась, наполняя комнату осязаемым давлением. Духовная энергия внутри меня больше не была просто светом, она обрела резкость клинка.

Я не знаю всей правды о Бедствии, не знаю, почему Владыка Бездны позволил мне запереть его. Но я знаю одно: Цзян Лисюэ — лживый лицемер и теперь моя заклятый враг. И чтобы разрушить его планы, чтобы спасти свой клан и свою жизнь, мне придется сделать то, что повергнет в ужас

все Праведные земли.

Если свет оказался гниющей тьмой, то я пойду искать союзника в Бездне.

В прошлый раз я принесла себя в жертву и получила нож в спину. В этот раз я доберусь до руин Павшей Луны первой, а затем сорву печать своими собственными руками, прежде чем Лисюэ успеет использовать ее силу.

И пусть весь этот лицемерный, праведный мир дрожит от страха. Отныне я выбираю его.

Глава 3

Горьковатый аромат тысячелетнего духовного женьшеня и лунного лотоса поплыл по комнате, отвлекая меня от раздумий.

Створки дверей тихо разъехались в стороны, и в покои скользнула миниатюрная фигурка Цинъэр. Она была моей личной служанкой и, по сути, самой близкой подругой с тех самых пор, как нас обеих, еще совсем крошечных, привели во внутренний двор Лунноснежного дворца. В руках девушка несла деревянный поднос с исходящей паром неритовой пиалой.

— Госпожа, — звонкий голос служанки дрогнул от сдерживаемого волнения, когда она увидела, что я сижу на краю кровати. Цинъэр поставила поднос на столик из темного дерева и бросилась ко мне, падая на колени. — Вы проснулись! Небеса милостивы! Старейшина Бай сказал, что ваша ци пришла в норму, но эта служанка всё равно не находила себе места от страха!

Я смотрела на склоненную голову девушки, на две смешные косички, перевязанные голубыми лентами, и едва смогла сдержаться, чтобы не расплакаться. В прошлой жизни Цинъэр умерла за меня, когда кольцо осады вокруг Лунноснежного дворца сжалось, а я, ослепленная ложными приказами Союза Цинмин, пыталась удержать защитный барьер,

именно Цинъэр заслонила мою спину от клинка предателя. Несчастная девушка умирала в моих руках ровно один шичэнь, кашляя черной кровью, и до последнего вздоха просила меня не плакать.

Я протянула руку и коснулась ее теплой щеки.

— Я в порядке, Цинъэр, поднимись. Ты ни в чем не виновата, тебе незачем стоять на коленях.

Девушка подняла на меня большие, полные слез глаза и нахмурилась. Обычно дерзкая и смешливая, сейчас она была напугана моим поведением.

— Госпожа, вы… точно хорошо себя чувствуете? Ваша аура… кажется другой. Словно лед на вершине Хребта Костяного Инея.

— Я просто слишком поспешила с прорывом, — спокойно ответила я, забирая с подноса пиалу. Горячий отвар обжег пальцы, но я не обращала внимания на эту боль. — Мое ядро всё еще нестабильно.

Я выпила горькое лекарство залпом, заставляя духовную энергию трав течь по меридианам, успокаивая их пульсацию. Мой разум лихорадочно работал. Я вернулась, в этом я уже нисколько не сомневалась. Но насколько точно прошлое повторяет себя? Является ли этот мир точной копией того, что я помнила, или мое возвращение уже пустило рябь по воде времени?

Мне нужно было проверить, прямо сейчас.

Я закрыла глаза, погружаясь в чертоги собственной памя-

ти. Тридцать четвертый год эпохи Цинмин, праздник середины осени наступит через половину месяца. Сегодня прибывают посланники Союза… Что еще? Что должно было произойти в этот день?

Внезапная вспышка. Запах гари и пронзительный крик, разрушающий тишину Восточного павильона, а затем запах горелой плоти и уничтоженных надежд.

Я открыла глаза. Младший соученик Чэнь!

В моей прошлой жизни в этот день, за стражу до прибытия Цзян Лисюэ, юный и слишком амбициозный Чэнь Фань попытался выплавить Пилюлю Золотого Ворона в старой печи Восточного павильона. Но печь, не выдержала не стабильной ци огня и взорвалась, разлетевшиеся осколки разорвали даньтянь юноши, навсегда лишив его возможности культивировать, а взрывная волна искалечила еще двоих адептов. Произошедшее набросило мрачную тень на весь праздник, но самое главное, это событие заставило Лунноснежный дворец выглядеть слабым в глазах посланников Союза.

— Цинъэр, — я отставила пустую пиалу и поднялась. Тело двигалось легко, наполненное юной силой, не омраченной шрамами грядущих войн. — Который сейчас час?

— Середина стражи Змеи, госпожа, — растерянно моргнула девушка. — Госпожа, вам нужно отдыхать! Куда вы собираетесь?

Стража Змеи, если моя память не изменяет, взрыв произойдет в конце этого шичэня.

— Помоги мне одеться. Быстро, — приказала я тоном, не терпящим возражений.

Цинъэр, привыкшая к тому, что я всегда была мягкой и уступчивой, замерла на мгновение, пораженная властностью в моем голосе, но перечить не посмела. Через пол кэ я уже была облачена в свои повседневные одежды — темно-синее, почти черное платье с вышивкой в виде лунных фаз на рукавах. Тяжелый венец я надевать не стала, позволив Цинъэр лишь заколоть часть волос простой нефритовой шпилькой.

Я вышла из покоев, и холодный чистый воздух Лунно-снежного дворца ударил в лицо. Дворец располагался на парящих пиках, соединенных между собой подвесными мостами из белого камня. Повсюду цвели деревья замерзшей сливы, их лепестки, похожие на снежинки, медленно кружились в воздухе, мерцая в лучах утреннего солнца. Журчание духовных водопадов наполняло пространство успокаивающей мелодией.

Это было так красиво и невинно. В своей прошлой жизни я видела, как эти мосты рушились в бездну, как вода водопадов окрашивалась в багровый цвет, а белоснежный камень покрывался копотью и кровью моих несчастных соучеников.

Я сжала кулаки, впивая до крови ногти в ладони, прогоняя призраки будущего. Шаг за шагом я ускоряла темп, направляясь к Восточному павильону. Моя духовная сила лунной стихии струилась под кожей, из-за чего каждый мой шаг оставлял на каменных плитах едва заметный след инея.

Ученики, встречавшиеся мне на пути, почтительно склонялись, приветствуя старшую сестру, но я проходила мимо, даже не кивая в ответ, и смотрела только вперед.

Когда я приблизилась к дверям Восточного павильона, в воздухе уже явственно чувствовался едкий запах пережженных духовных трав и нестабильной энергии огня.

Я толкнула двери, и они с грохотом открылись.

В центре зала, перед огромной бронзовой алхимической печью, покрытой защитными талисманами, сидел в позе лотоса младший соученик Чэнь. Лицо юноши было красным от натуги, по вискам катился пот, а руки, сложенные в мудру контроля, слабо подрагивали. Талисманы на печи начали тлеть по краям, внутри бронзового чрева нарастал зловещий гул. Несколько других младших учеников стояли неподалеку, с восхищением и тревогой наблюдая за процессом.

Несчастные ученики не понимали, что до предстоящей катастрофы остались считанные мгновения.

— Чэнь Фань, немедленно разорви поток ци!

Юноша вздрогнул, его концентрация сбилась, гул в печи мгновенно перерос в угрожающий рев.

— С-старшая сестра Бай! — он попытался обернуться, теряя контроль над пламенем. — Я… я почти закончил, еще одно мгновение!

— Глупец! — я не стала тратить время на уговоры, и сместившись на шаг, применила технику "Мерцания Лунной Тени", преодолев расстояние до печи за долю вздоха.

Я вскинула руку, и из ладони вырвался ослепительно белый луч морозной ци. Я ударила не в саму печь — это лишь спровоцировало бы взрыв, а в энергетические узлы массива на полу, питавшего пламя. Морозная сила столкнулась с огненной, породив густое облако пара.

Одновременно с этим, другой рукой я схватила Чэнь Фаня за ворот одежд и с силой отшвырнула его назад, прочь от печи.

— Ложись! — крикнула я остальным ученикам.

Гул достиг апогея. Бронза пошла трещинами, но, поскольку я перерубила приток энергии, взрыв оказался не столь разрушительным, как в прошлой жизни. Верхнюю крышку печи сорвало с оглушительным лязгом, во все стороны разлетелись осколки раскаленного шлака и струи перегретого пара.

Глава 4

Я стояла прямо перед эпицером. Моя ци мгновенно сформировала вокруг меня сотканный изо льда щит-полусферу, раскаленные осколки отскакивали от барьера, оставляя на нем глубокие борозды, но ни один из них так и не смог пробить мою защиту.

Когда пар рассеялся, в павильоне повисла тишина.

Я опустила руку, развеивая щит. Печь была уничтожена, пол покрывал слой черного пепла.

Бледный Чэнь Фань сидел на полу в нескольких чжанах от меня, ощупывая свой живот, пытаясь убедиться в том, что его даньтянь остался цел. Остальные ученики жались к стенам, с ужасом глядя то на дымящиеся остатки печи, то на меня.

— Старшая сестра… — пролепетал Чэнь Фань, падая на колени и касаясь лбом пола. — Я… я виноват! Я недооценил нестабильность рецепта, если бы не вы…

Я смотрела на него сверху вниз. В прошлой жизни я бы бросилась его утешать, винила бы себя за то, что недосмотрела за младшими, и потратила свою ци на его лечение, ослабив себя перед важными встречами.

Но я больше не была той доброй и наивной девчонкой.

— Ты проявил недопустимую гордыню, Чэнь Фань, алхимия — это путь терпения, а не тщеславия. Твое безрассуд-

ство сегодня могло стоить жизни тебе и твоим боевым братьям, завтра твое безрассудство в бою может стоить жизни всему клану.

Шокированные ученики переглянулись. Наследница Бай, всегда такая добрая и всепрощающая, говорила тоном неумолимого судьи.

— Три месяца медитации в Ледяных Пещерах Покаяния, — вынесла я приговор. — И год запрета на приближение к алхимическим печам. Кто-нибудь, отведите его к старейшинам наказаний.

Я развернулась и направилась к выходу, оставив позади перешептывающихся в благоговейном страхе учеников.

Мне удалось изменить первую шестеренку судьбы, Чэнь Фань остался цел, ядро мальчишки не разрушено. Маленькая победа, но она доказывала самое главное: будущее не высечено на камне, я действительно могу всё изменить.

Но не успела я сделать и десяти шагов по аллее замерзшей сливы, как над дворцом разнесся звон Великого Колокола.

Это был сигнал прибытия высокопоставленных гостей. Союз Цинмин прибыл.

Мой шаг замедлился, а затем я и вовсе остановилась, пальцы непроизвольно легли на рукоять духовного меча, висевшего на поясе.

Где-то там, у главных врат Лунноснежного дворца, сейчас стоит Цзян Лисюэ.

Перед моим внутренним взором мгновенно вспыхнуло

воспоминание: холодные плиты, его идеальная улыбка и клинок, медленно входящий в мою грудь. И тень древней, гниющей тьмы в его глазах, тьмы, которую никто, кроме меня, не видел.

Я закрыла глаза, делая глубокий вдох. Контролируй себя, Цинъюэ, если я сейчас брошусь на него с мечом, меня сочтут безумной, поддавшейся искажению ци. Он — кумир праведного мира, надежда Союза, безупречный нефрит в короне светлых сект, а я для них — лишь его преданная невеста. Одно неверное движение, и я стану врагом для собственного деда.

Я должна притворяться, так же, как это делает он.

Когда я вошла в Главный Зал Приемов, там уже собрались старейшины клана Бай. Мой дед, Бай Цзинхэ, восседал на троне, облаченный в парадные белые одежды. Несмотря на свой возраст, его аура культиватора на поздней стадии Зарождающегося Духа подавляла.

В центре зала стояла делегация Союза Цинмин.

Я остановилась в тени колонны, обвитой изображением дракона, и мой взгляд немедленно прикипел к фигуре, стоящей во главе посланников.

Цзян Лисюэ действительно был красивым. Высокий, с идеальной осанкой, и в белоснежных одеждах, которые были расшиты облаками и журавлями. Его длинные, черные волосы, были наполовину собраны в нефритовую корону. Лицо мужчины излучало благородство и спокойствие. Когда Ли-

сюэ говорил с моим дедом, его голос был мягким, почтительным и завораживающим.

Все считали этого человека светлым героем, надеждой Девяти Пустошей, но только я знала, что на самом деле, всё это было жестокой ложью.

Я сосредоточилась, концентрируя лунную ци в своих глазах, пытаясь заглянуть за его ауру, и на мгновение, всего на долю удара сердца, сквозь ослепительно белый свет его праведной энергии проступила извивающаяся нить черного миазма, которая пульсировала, как кровеносный сосуд, выкачивающий жизнь. Мужчина прятал ее невероятно искусно, скрывая под артефактами и техниками подавления.

— А вот и моя дорогая внучка, — голос деда эхом разнесся по залу, и все взгляды обратились ко мне.

Цзян Лисюэ обернулся.

В его взгляде вспыхнула такая неподдельная нежность и искренняя радость, что на мгновение я сама почти поверила ему. Если бы я не знала вкуса собственной крови от его клинка, я бы снова побежала к нему навстречу, как глупая, влюбленная девчонка.

Он сделал шаг мне навстречу, складывая руки в вежливом приветствии.

— Младшая соученица Бай, А-Юэ, я так тосковал по тебе, — произнес он, и улыбка озарила его лицо. — Я слышал, у тебя возникли трудности с прорывом. Мое сердце не знало покоя всю дорогу до Лунноснежного дворца.

С каждым его словом, с каждым сокращением мышц на его красивом лице, внутри меня поднималась волна ненависти. Мне хотелось кричать, хотелось выхватить меч и снести эту улыбающуюся голову с плеч, чтобы посмотреть, какого цвета течет кровь в жилах этого лживого чудовища.

Но я заставила свои губы изогнуться в ответной улыбке и опустила ресницы, изображая слабость, пряча за ней бушующую бурю в моей душе.

— Старший соученик Цзян, — я поклонилась, в точности соблюдая этикет, но не делая ни шагу ему навстречу. — Благодарю за заботу, моя ци действительно была нестабильна. Я прошу прощения, если мой вид недостаточно почтителен для встречи гостей.

Лисюэ едва заметно прищурился, уловив дистанцию в моем голосе, холод, которого раньше никогда не было.

Мужчина сделал еще один шаг ко мне, сокращая расстояние, и протянул руку, намереваясь коснуться моего запястья, чтобы "проверить меридианы", как он часто делал это раньше под видом заботы.

— Позволь мне помочь тебе стабилизировать поток… — начал он, источая ауру теплого, успокаивающего света.

— В этом нет нужды! — я отступила на полшага назад, резко, почти грубо убирая руку.

В зале повисла неловкая пауза. Старейшины удивленно переглянулись, дед нахмурился.

Я немедленно смягчила выражение лица, прижав руку к

груди, словно испытывала боль.

— Прости, Лисюэ, мои меридианы всё еще слишком чувствительны к чужой ци, любое вмешательство причиняет мне боль. Мне просто нужен покой и медитация.

Лицо Лисюэ на долю секунды застыло, но тут же вновь озарилось понимающей улыбкой.

— Конечно, А-Юэ, я был слишком бестактен в своем порыве помочь. Здоровье наследницы Бай важнее всего, мы сможем обсудить наши дела позже, когда ты окрепнешь. Союз Цинмин возлагает большие надежды на Лунноснежный дворец в грядущем Празднике середины осени.

"Союз Цинмин возлагает надежды на Лунную печать, которую ты хочешь украсть", —мысленно закончила я его фразу.

Мы обменялись еще несколькими вежливыми фразами. Лисюэ играл роль идеального жениха, обеспокоенного здоровьем возлюбленной, а я — ослабевшей после прорыва девы. Это был танец на краю пропасти... каждое его слово было прощупыванием моей обороны, а мое — ложью во спасение.

Когда официальная часть приветствия завершилась, и дедушка увел посланников обсуждать размещение гостей, я наконец-то смогла покинуть зал.

Когда двери закрылись за моей спиной, мои колени подогнулись, и мне пришлось опереться о холодную каменную стену коридора, чтобы не упасть.

Мой "драгоценный" жених здесь, и он уже плетет свою па-

утину. Я прекрасно помнила, что будет происходить дальше. Под предлогом подготовки к празднику и укрепления союза между сектами, Цзян Лисюэ начнет манипулировать старейшинами и искать доступ к запретным архивам дворца, где хранились чертежи Лунной печати. Лисюэ будет действовать медленно, втираясь в доверие, пока не зажмет нас в тиски, из которых не будет выхода.

В интригах праведного мира он непревзойденный мастер, поэтому, если я попытаюсь разоблачить его сейчас, без доказательств, меня сочтут сумасшедшей, а влияние моего жениха только возрастет.

Чтобы победить такое чудовище, как он, мне нужна сила, перед которой померкнет даже авторитет Союза Цинмин, мне нужна правда о Бедствии, которое Цзян Лисюэ так жаждет поглотить.

Я выпрямилась, отталкиваясь от стены. Мой взгляд устремился на север, туда, где за тысячами ли, за заснеженными пиками, скрывались руины Павшей Луны, в этом месте находилась Лунная печать, в которой был заперт ОН.

Цзян Лисюэ думает, что контролирует ситуацию и считает, что у него впереди годы, чтобы подготовить почву, но он не знает, что на самом деле, всё изменилось.

Я не буду ждать, пока он сделает свой ход, и сделаю его первой.

Этой же ночью, когда дворец уснет, скрытый мраком, я покину Праведные земли и отправлюсь в руины Павшей Лу-

ны. Я найду того, кого называют Бедствием Девяти Бездн.

И я задам ему вопрос, который не смогла спросить в своей прошлой жизни, потому что мне не хватило смелости.

Я решительно зашагала по коридору, и в моем сердце, замороженном предательством, впервые вспыхнула обжигающая искра.

"Жди меня, мой Демонический Владыка".

Глава 5

Ночь опустилась на Лунноснежный дворец, принося с собой обманчивое чувство покоя. Когда стражи ночи отбили начало часа Свиньи, залы и павильоны погрузились в глубокий сон, лишь изредка тишину нарушал перезвон ветряных колокольчиков да мерный гул защитных формаций, которые окутывали парящие пики.

Я сидела перед бронзовым зеркалом в своих покоя, и вглядывалась в собственное отражение, освещенное тусклым светом единственной жемчужины ночного сияния. Мое парадное платье лежало на ширме, сейчас я была одета в узкие одежды ночного странника: черный шелк без блестящих деталей, мягкие сапоги на бесшумной подошве и серебряно-черный пояс, в котором были скрыты пространственные мешочки с духовными камнями и талисманами. Венец я сменила на темную ленту, которой завязала волосы.

Я не взяла с собой ничего лишнего, только меч "Слеза Луны", ножны которого я обмотала тканью, чтобы предотвратить случайный лязг, и несколько десятков высокоуровневых восстанавливающих пилюль.

Повернувшись к кровати, я взмахом руки активировала Талисман Иллюзорного Двойника. Над шелковыми простынями заклубился белый дым, который в мгновение ока сгустился, приняв мой облик, иллюзия мерно дышала, излучая

слабую ауру спящего культиватора на стадии Золотого ядра. Если дед или Цинъэр решат проверить меня до рассвета, они не заподозрят неладного.

Этого должно хватить.

Я подошла к окну и открыла ставни, в лицо сразу же ударил прохладный горный ветер. Затаив дыхание, я сконцентрировала ци в даньтяне, заставляя энергию течь по моим меридианам, чтобы полностью подавить свое присутствие. Я использовала технику "Сокрытие Лунной Тени", которой владели лишь прямые наследники клана Бай, в прошлой жизни я использовала ее, чтобы сбегать на тайные свидания с Лисюэ. Иронично, что теперь она послужит мне для того, чтобы найти того, кого Лисюэ больше всего ненавидит.

Оттолкнувшись от подоконника, я растворилась в ночном воздухе.

Миновать патрули младших учеников не составило труда, куда сложнее было пройти сквозь Великий Барьер Лунноснежного дворца. Формация чутко реагировала на любые колебания ци, но, будучи наследницей, я знала ритм пульсации барьера. Я дождалась момента, когда потоки энергии перестраивались и скользнула в образовавшуюся брешь.

Оказавшись за пределами родного клана, я призвала свой меч. "Слеза Луны" вспыхнула сапфировым светом, послушно ложась под ноги. Я сложила пальцы в мудру управления, направляя поток ци в лезвие, и меч взлетел в ночное небо, унося меня на север.

Путь предстоял неблизкий, руины Павшей Луны находились в тысячах ли отсюда, у самого подножия Хребта Костяного Инея — естественной границы между Праведными землями и демоническими территориями Мояо.

Ветер свистел в ушах, я гнала меч на предельной скорости, безжалостно сжигая духовную энергию. Ночной мир внизу сливался в размытое пятно, я видела спящие города смертных, темные леса и реки. Я летела высоко над облаками, пролетая через завесу сотканную из тумана.

За два шичэня непрерывного полета мой даньтянь начал отзываться болью. Ядро, которое едва оправилось от недавнего искажения, протестовало против такой нагрузки. На ходу я достала из пространственного мешочка горсть духовных камней среднего класса и сжала их в ладони, впитывая их энергию, из-за чего камни один за другим рассыпались в серую пыль, отдавая мне свою силу.

Я вспоминала свой последний полет к руинам в прошлой жизни. Тогда я была не одна, Лисюэ летел рядом на своем сияющем нефритовом мече, глаза мужчины в тот момент были полны решимости и фальшивой боли за судьбу мира. Жених держал меня за руку, передавая свою теплую ци, и шептал о том, как горд моей жертвой, как мое имя станет путеводной звездой для будущих поколений заклинателей.

Как же я была слепа. Я принимала его ложь за сладкий нектар, сама того не осознавая, я шла на заклание, улыбаясь своему палачу.

От этих воспоминаний ци в моих меридианах вскипела, грозя вырваться из-под контроля. Я выдохнула, заставляя себя успокоиться. Гнев — плохой союзник, сейчас мне нужен ясный и холодный разум.

Спустя еще один шичэнь на горизонте начали вырисовываться исполинские силуэты. Я достигла Хребта Костяного Инея. Черные, изломанные пики гор пронзали небосклон, вершины были скованы вечными льдами, которые никогда не таяли. Отсюда брала свое начало демоническая энергия (миазмы), которая гнетущим туманом стелилась по северным землям.

Я начала снижение, направляя меч в долину, которая была скрыта в тени самых высоких пиков. С каждым чжаном, приближавшим меня к земле, температура стремительно понижалась, а давление древней силы возрастало. Это была эманация Лунной печати. Печати, которую мой клан охранял тысячелетиями, и ключом к которой была моя собственная душа.

Когда мои сапоги наконец коснулись земли, я убрала меч обратно в ножны, дальше лететь было невозможно — плотность энергии здесь искажала пространство, грозя разорвать любого смельчака, осмелившегося подняться в воздух.

Я стояла у входа в руины Павшей Луны.

То, что открылось моему взору, было поистине прекрасным. Древний храмовый комплекс, построенный тысячелетия назад, ныне лежал в руинах, но его величие не померк-

ло. Огромные арки из белого камня, покрытые изящной резьбой, были наполовину разрушены и их обломки хаотично усеивали долину. Колонны, толщиной в обхват пятерых взрослых мужчин, лежали под тяжестью веков.

Всё здесь было укрыто густым, мягким ковром из серебристого мха. Дикие плети древних лоз оплетали разрушенные стены, их листья мерцали в темноте слабым светом.

В воздухе, плавно покачиваясь на невидимых волнах ци, парили сотни духовных кристаллов. Одни были крошечными, с ноготь, другие — размером с человека. Кристаллы излучали пульсирующее сапфировое и серебряное сияние, заливая руины неземным светом. Это была кристаллизованная энергия Лунной печати, сила моих предков, ставшая физически осязаемой.

Я сделала первый шаг. Хруст сухой ветки под ногой прозвучал в абсолютной тишине как удар грома, здесь не было зверей и птиц. Давление двух сил — божественной лунной печати и запертой под ней Бездны, убивало всё живое. Выжить здесь мог лишь тот, чья ци резонировала с массивом.

Мой даньтянь отозвался теплом, энергия руин узнала во мне наследницу клана Бай. Мое дыхание выровнялось, а сапфировые кристаллы вокруг слегка усилили свое сияние, словно приветствуя законную хозяйку.

Глава 6

Я шла вглубь комплекса, переступая через поваленные колонны и полустертые каменные плиты, испещренные рунами. Мое сердце билось спокойно, но в груди росло странное, ни на что не похожее чувство, похожее на первобытное ожидание, из-за которого по моей спине бежали мурашки.

Чем глубже я заходила, тем сильнее становилось ощущение чужого присутствия. Сквозь чистую, морозную энергию луны начала просачиваться иная сила. Тяжелая, темная и всепоглощающая. Она не была гниющей или мерзкой, как скрытая аура Лисюэ. Эта тьма была величественной, как бескрайнее ночное небо, способное поглотить любые звезды.

Наконец, я вышла на центральную площадь руин и замерла, пораженная открывшейся картиной.

В самом сердце долины, окруженные крупными парящими кристаллами, возвышались Врата Девяти Бездн. Огромные створки из черного металла, которые уходили высоко вверх, казались выкованными из самой ночи. Их поверхность была покрыта сложнейшей вязью Лунной печати, они были написаны красивыми серебряными линиями, которые образовали непрерывный узор.

Но в этой линии времени врата не были закрыты до конца.

Между гигантскими створками оставался зазор шириной в несколько чи и оттуда, из непроглядного мрака Бездны,

медленно, словно живое существо, вытекала черная дымка.

Перед вратами, на широкой каменной платформе, прямо в эпицентре бушующих энергий луны и тьмы, находился ОН.

Демонический Владыка Девяти Бездн, Сюань Цзинъе.

Я неосознанно задержала дыхание, отказываясь верить своим глазам. В моей памяти он был лишь силуэтом во тьме закрывающихся створок, пугающим мифом, но сейчас, стоя в нескольких десятках чжанов от него, я видела его ясно.

Владыка не был скован цепями, не корчился в агонии от подавляющей силы печати, а сидел на разрушенном алтаре в позе лотоса, словно это место было его тронным залом, а не тысячелетней тюрьмой.

Его фигура излучала абсолютную власть. Мужчина был высоким, с широкими плечами и идеальной осанкой. У него были длинные, идеально прямые волосы цвета воронова крыла спадали по его спине, контрастируя с бледностью кожи, черты его лица были резкими и аристократичными: высокие скулы, прямой нос и твердая линия губ.

Мужчина был одет в многослойные одежды из темного нефрита, которые были расшиты серебряным узором, который напоминал молнии в ночном небе. На его левом ухе, тускло мерцая в лунном свете, покачивалась одинокая серьга-подвеска с крупным сапфиром.

Мне казалось, что он просто спит. Его глаза были закрыты, а дыхание было настолько медленным, что казалось, будто Владыка Девяти Небес и вовсе не дышит.

Мои ноги сами сделали шаг вперед, а затем еще один. Я не могла отвести от него взгляда. В нем не было ничего от того чудовища, которым нас пугали наставники Союза Цинмин. В этом существе не было хаоса, лишь абсолютный, смертоносный покой.

Внезапно, сапфир в его ухе вспыхнул, а ресницы мужчины дрогнули.

И он открыл глаза.

Мое сердце сбилось с ритма, пропустив удар, а затем забилось с бешеной скоростью.

Его глаза цвета бесконечного, глубокого ночного неба, были бездонными, пугающе древними и невыносимо прекрасными. В них плескалась мощь, способная стирать в пыль целые континенты, но, когда его взгляд встретился с моим, эта мощь замерла.

Воздух между нами заискрился, словно между нами образовались тысячи невидимых молний. Пространство дрогнуло, и моя лунная ци внезапно взбунтовалась от неконтролируемого резонанса с аурой этого человека.

Древняя, как сам мир, связь мгновенно вспыхнула между нами. Моя душа, израненная предательством Лисюэ, внезапно потянулась к его тьме с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

Владыка смотрел на меня. Не на наследницу клана Бай, не на девочку, возомнившую себя героиней, мужчина смотрел сквозь мою оболочку, сквозь время и пространство, узнавая

меня так, как не узнавал никто и никогда. В этом взгляде была такая невыносимая тяжесть тысячелетнего одиночества и, такая обжигающая нежность, что у меня задрожали колени.

Сюань Цзинъе поднялся с алтаря. Каждый его шаг в мою сторону заставлял парящие кристаллы дрожать и осыпать нас дождем из серебряных искр.

Давление его ауры было огромным, но оно не давило на меня, чтобы сломать, а окутывало, обволакивало, словно защитный кокон.

Мужчина остановился в трех шагах от меня. Он был настолько близко, что я могла ощутить исходящий от него аромат морозной ночи и терпкого пепла. Мне пришлось поднять голову, потому что он был значительно выше меня.

Я хотела заговорить, хотела задать вопросы, с которыми пришла. Спросить о Лисюэ, о Бедствии, о том, почему он позволил убить меня, но слова застряли в горле. Вся моя выстроенная защита и решимость рушились под тяжестью его взгляда.

Сюань Цзинъе молча рассматривал мое лицо, словно пытался запомнить каждую черту. Его бледная рука, с длинными и изящными пальцами, медленно поднялась. Мужчина не коснулся меня, его пальцы замерли в цуне от моей щеки, но даже от этого почти-касания по моей коже пробежал электрический разряд, заставив меня судорожно выдохнуть.

— Цинли... — его голос был подобен бархату. Низкий, вибрирующий, проникающий прямо под ребра и оседающий

в самом сердце.

Владыка Девяти Бездн назвал имя, которое мне было незнакомо, но от которого в моей душе что-то мучительно и сладко заныло.

Пальцы мужчины медленно опустились, но взгляд стал только острее, проникая в самые темные уголки моего сознания. Владыка склонил голову набок, и сапфировая серьга сверкнула в лунном свете, а на его идеальных губах появилась едва заметная, горькая усмешка.

Он прекрасно знал, кто стоит перед ним сейчас. Мужчина видел мою настороженность, боль и растерянность.

Владыка Девяти Бездн сделал еще один, последний полушаг, стирая почти всю дистанцию между нами. Его темная аура смешалась с моим лунным светом, создавая вокруг нас водоворот немыслимой силы.

Он наклонился, и его губы оказались в опасной близости от моего уха. Его дыхание обожгло мою кожу, когда он произнес слова, которые навсегда разделили мою жизнь на до и после:

— Ты снова пришла запечатать меня… или на этот раз освободить?

Глава 7

Повествование от лица Сюань Цзинъе

Для тех, кто достиг ступени Слияния Пустот и ступил на путь к бессмертию, тысячелетие — это всего лишь затянувшийся вдох Небесного Дао, ничтожная песчинка, которая медленно скользит по изгибу вселенских часов. Но когда ты заперт в непроглядном мраке, где единственной компанией служит сводящий с ума шепот Изначального Хаоса, каждое мгновение оборачивается пыткой, растянутой на долгие века.

Все это время я ждал.

Праведный мир искренне верил, что Лунная печать — это моя тюрьма. Они воспевали доблесть клана Бай, гордились своим нерушимым Союзом Цинмин и в страхе отводили взгляды от Хребта Костяного Инея, веря, что там, за вратами, корчится в бессильной злобе Бедствие Девяти Бездн.

Глупцы. Если бы я захотел разрушить эти врата, мне хватило бы и десятой доли моей духовной энергии. Лунная печать, какой бы древней и сложной она ни была, не могла удержать меня против моей воли. Я сам надел эти цепи, добровольно шагнул в эту могилу, чтобы стать тем, кто будет удерживать настоящее Бедствие — Хуньдунь, от поглощения этого гнилого мира.

Но мир не волновал меня. Я сделал это ради нее.

Ради души, которая тысячу лет назад сияла ярче любой звезды, ради Цинли, которая пожертвовала собой в первой войне с Тьмой. Я поклялся, что буду сторожить этот хаос, пока осколки ее перерожденной души не соберутся вновь в Колесе Сансары.

И вот она здесь.

Когда легкие, едва ощутимые колебания лунной ци коснулись массивов руин, мое замершее, почти не бьющееся сердце пропустило удар, а затем сорвалось в бешеный, мучительный ритм. Я почувствовал энергию, которую узнал бы из миллионов других.

Открыв глаза, я увидел ее.

Бай Цинъюэ, наследницу клана Бай.

Она стояла прямо передо мной. Темные одежды, в которые девушка была одета, сливались с ночными тенями, но для моего взора Наследница Бай пылала ослепительным серебряным светом. Я впитывал каждую черту ее изменившегося, но такого до боли знакомого лица. Мои пальцы непроизвольно сжались, сминая шелк собственных одежд. Невыносимо хотелось шагнуть к ней, схватить и прижать к груди так крепко, чтобы наши ауры слились воедино, чтобы убедиться, что это не очередной морок, насланный жестоким Хуньдунем.

Но я заставил себя остаться на месте. Я смотрел в ее синие глаза, и то, что я увидел на их дне, заставило мою демоническую ци вскипеть яростью.

Там не было невинности, которую я ощущал в ней еще несколько лет назад, когда наблюдал за ее взрослением через отголоски печати. Во взгляде девушки плескалась бездонная, выжженная дотла боль. И смерть.

Мое духовное чутье, отточенное тысячелетиями, уловило на ее ауре фантомный, едва заметный след чужой ци. Светлой, праведной, но насквозь прогнившей внутри. След клинка, который пронзил ее сердце и след уничтоженного Золотого ядра.

Она умерла. Кто-то посмел убить ее, и каким-то немыслимым образом Небесное Дао отбросило ее душу назад, в прошлое, позволив сохранить память.

Всепоглощающая ярость, поднялась из самых глубин моего существа. Это сделал тот ублюдок из Союза Цинмин, Цзян Лисюэ. Я знал о его амбициях и играх с Изначальной Тьмой, но позволял ему существовать лишь потому, что он, как пес на привязи, защищал ее в Праведных землях. Но он посмел предать ее.

Наследница Бай смотрела на меня, затаив дыхание. В ее глазах смешались страх, настороженность и какое-то странное, отчаянное притяжение. Девушка еще не понимала природы нашей связи, но ее перерожденная душа уже тянулась ко мне, инстинктивно ища защиты у того, кого ее учили ненавидеть.

Я подавил бурю в своем даньтяне и набросил на лицо привычную маску холодного спокойствия. Если я обрушу на нее

свои чувства сейчас, она сломается или сбежит. Девчушка осторожна, как раненый зверь.

Я сделал шаг, сократил расстояние, позволяя своей ауре окутать ее, защищая от подавляющего давления руин. Я упивался ее близостью, ароматом ее кожи, теплом, которое исходило от ее тела.

— Ты снова пришла запечатать меня… или на этот раз освободить?

Вопрос повис в воздухе. Я смотрел на нее, ожидая ответа, от которого зависела судьба не только Девяти Пустошей, но и моя собственная. В этот раз я не позволю ей умереть, даже если ради этого мне придется сжечь весь этот мир дотла.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.